

анте 5 *кораҥаш* (с. 134): 'отклониться, отодвинуться... при выражениях любви' (?). На с. 144 варианты 1 и 4, на наш взгляд, совпадают; одинаковыми нам кажутся и варианты 2 и 3. Несомненно, определенную роль в данном случае играет субъективное восприятие глагола с учетом контекста. На с. 172 и 175 варианты 2 'мять, подминать, травить; повредить посевам, наносить ущерб лугам, полям (при движениях на транспорте, ходьбе, беге)' и 8 'давить, разминать, мять ногами для какой-либо практической надобности', думается, идентичны.

С другой стороны, автором, видимо, не все значения у глаголов указаны. Например, у слова *тошкаш* (с. 172—175) можно обнаружить и 'пойти по стопам кого-либо, продолжить чье-либо дело':

Эргыже ачаж корнымак тошка 'Сын идет по стопам отца'.

Указанные недочеты не имеют принципиального значения, а потому не снижают ценности рецензируемой работы.

Исследование Л. И. Барцевой может оказать немалую практическую помощь. Результаты его, несомненно, будут способствовать более качественной подготовке толкового, синонимического, а также двуязычного словарей марийского языка. Теоретическая часть работы применима при написании учебника лексикологии (раздел «Семантика»). Материалы данного исследования окажут помощь при изучении теоретических и практических курсов лексикологии студентами местного педагогического института и университета.

ЕЛИЗАР МУСТАЕВ (Йошкар-Ола)

<https://doi.org/10.3176/lu.1990.2.18>

А. И. Туркин, Топонимия Коми АССР (лингвистический анализ). Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Таллинн 1989.

25 октября 1989 г. на заседании Специализированного совета Д 002.17.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Институте языкознания Академии наук СССР состоялась защита докторской диссертации научным сотрудником Института языка и литературы Академии наук Эстонии А. И. Туркиным на вышеуказанную тему. Исследование выполнено в секторе финно-угорских языков Института языка и литературы АН Эстонии. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук А. В. Суперанская (Москва), доктор филологических наук профессор И. В. Тараканов (Ижевск), доктор филологических наук А. П. Володин (Ленинград).

В последние два десятилетия в Советском Союзе бурное развитие получила ономастика как особый раздел языкознания: появился ряд основополагающих работ по антропонимике, этнонимике, топонимике. Определенные успехи достигнуты в ономастике и финно-угроведении, в частности, изучены топонимы Карелии, Эстонии, Пермской области, Марийской и частично Удмуртской АССР, северных областей Сибири и т. д. Однако еще не вся

территория северо-западной части Европы, где обитают в настоящее время и обитали в прошлом финно-угорские народы, в топонимическом отношении изучена. До последнего времени слабо изученными оставались топонимы на обширной территории проживания коми народа, освоившего с древнейших времен труднодоступный таежный край и берега многочисленных северных рек и речушек. Обращение автора к научной разработке обозначенной темы следует всемерно приветствовать. Актуальность ее увеличивается еще и тем, что коми язык не располагает древними письменными памятниками, а при отсутствии таковых топонимия иногда позволяет воспроизвести весьма отдаленное состояние языка, ибо географические имена нередко сохраняют более древнее, чем живые говоры, звучание слова, по топонимам можно проследить звуковые изменения, не получившие отражения в лексике современного языка, восстановить утраченные звуки и т. д.

Тему исследования автор ограничил территорией Коми АССР не случайно, ибо поставил перед собою цель комплексно рассмотреть исторические условия форми-

рования топонимии Коми края. Такой подход дал возможность более глубоко изучить опубликованные и рукописные материалы, собрать обширный топонимический материал непосредственно в полевых условиях — в 109 населенных пунктах и в результате решить целый комплекс конкретных задач: 1) провести лексико-семантический и этимологический анализ географических терминов; 2) выявить иноязычную лексику в области географической терминологии; 3) определить структуру топонимов; 4) изучить взаимодействие русского и коми языков на топонимическом уровне и показать состояние географических названий в смешанных ареалах; 5) разработать основные контуры названий на коми языке, а также правильной передачи их на русский язык.

В работе исследуются многие вопросы формирования топонимической системы коми языка с использованием различных методов: сравнительно-исторического, сопоставительного, ареального, структурно-словообразовательного, этимологического и частично количественно-статистического, что позволило автору дать всесторонний анализ исконной и заимствованной топонимической лексики, ее структурного строения, адаптации на фонетическом, морфологическом и семантическом уровнях.

Научная новизна работы А. И. Туркина определяется прежде всего тем, что благодаря строго критическому отношению его к сделанному ранее и обширному привлечению нового языкового материала достигнут новый качественный уровень исследования в области раскрытия этимологии и семантики топонимической лексики. Работа А. И. Туркина отличается как твердой теоретической и методической базой, так и научной новизной. Получен более или менее полный ответ на поставленные в ней вопросы.

Работа состоит из предисловия, введения, четырех глав, заключения, списков условных сокращений, использованной литературы, 24 карт-схем и приложения «Топонимический словарь Коми АССР». Во введении приведены общие сведения о физико-географических особенностях и административно-территориальном делении Коми АССР, населении, коми языке и диалектах, объясняются этнонимы

пермь, зыряне, коми, дается обзор литературы по коми топонимии. Основная проблематика проанализирована в первых двух главах, а в последующих двух рассмотрены фонетическое оформление топонимов, их диалектная принадлежность и происхождение.

В первой главе на основе анализа большого количества топонимов, разбросанных на территории Коми АССР, автор приходит к выводу о том, что одним из основных путей образования географических терминов в коми языке является отражение в нем какого-либо признака объекта — формы, конфигурации. Для сравнения нередко привлекаются части тела человека и животных, в отдельных случаях — названия частей дома, построек, наименования посуды, утвари и других предметов хозяйственного обихода. Автор наглядно и убедительно показывает, как строится цепь преобразований от анатомического термина к географическому. При переносе наименования части тела на географический объект главную роль играла, по-видимому, специфичность формы называемого объекта, а иногда и его расположение. Так, продолговатые, вытянутые объекты сравнивались с голенью, рукой, шеей, а всевозможные изгибы, излучины — с локтем, ногой; возвышенности — с губами, носом; углубления земной поверхности, глубокие стоячие водоемы, излучины (изгибы) земной поверхности или рек — с посудой или частями хозяйственных построек.

Насыщенностью использованного материала, глубоким содержанием и аргументированностью отличается этимологическая интерпретация терминов. Автор показывает, что наибольшее распространение среди гидрографических терминов получили гидронимы со значениями 'вода', 'река', 'источник', 'озеро', 'море', 'устье', снабженные аффиксами *-ва, -ю, -юг / -юга, -эль, -мёс, -шор, -вей / -вий / -ввий, -вож, -гён, -вад, -ты / -тый, -саридз*. Из орографических терминов широко употребляются образования со значением 'возвышенность, гора' и 'лес, бор' при детерминативах: *-керёс, -ыб, -чой, -из, -рас / -раск, -яг, -вёр*.

В ойкографических названиях чаще употребляются термины со значением 'дом', 'поселение', 'город', также восходя-

шие исторически к знаменательным словам. Из них наиболее распространены термины в сочетании со словами: *горт* 'деревня', *керка* 'дом, изба', *сикт* 'деревня; селение, село', *кар* 'гнездо; город, городище'.

В связи с изложенным рецензент имеет некоторые замечания. Анализируя этимологию детерминатива *-ва* в гидронимах, автор утверждает, что он образовался после распада общепермской общности, почему-то не желая связать с апеллятивом *-ва* удмуртские гидронимы типа *Ва* (< *ва*), *Вавож*, *Вала*, *Кушва*, *Порва*, *Кыква*, *Сива*, распространенные на территории Удмуртии. Нам кажется, что в приведенных названиях рек *-ва* несомненно является общим для коми и для удмуртского языков. Не обосновано утверждение автора и о том, что термин *Ва* самостоятельно как гидроним не употребляется. Реку *Ува* представители срединных говоров удмуртского языка повсюду называют *Ва*, а не *Ува*. Название райцентра *Вавож* букв. 'устье реки Ва'. По свидетельству удмуртского исследователя М. Г. Атаманова, гидронимы *Вала*, *Сива* также состоят из двух морфем — атрибутив *ва* 'вода' + аффикс *ла*, *си* + *ва* (1988 : 75, 89).

Не исключена возможность, как нам кажется, что гидронимы с *-ма* / *-мо* / *-мы* типа *Тойма* (*Туймы*), *Шошма* (*Шушмы*), *Пажма*, *Тыжма*, распространенные на территории Удмуртии и в лесной полосе Восточной Европы, также имеют непосредственную этимологическую связь с общепермским гидронимом *-ва* 'вода'. Поэтому возведение апеллятива *-ва* в гидронимах к периоду самостоятельного развития коми языка не совсем убедительно. По времени возникновения данное слово-аппелятив должно быть намного старше, а территория распространения — шире.

Отдельно в первой же главе рассматриваются географические термины иноязычного происхождения. Подвергая детальному анализу около 140 таких терминов, автор выделяет четыре пласта лексических заимствований в топонимии Коми АССР: русский, ненецкий, обско-угорский, карело-вепский, что позволяет уточнить характер и степень взаимодействия языков, направление и интенсивность колонизации территории, а также

внутренней миграции населения. Остается неудовлетворенность от рассмотрения карело-вепских заимствований в топонимии Коми края. С одной стороны, здесь анализируется небольшое количество терминов, с другой, не все они бесспорны, в частности, *талда*, *тальяга* 'утоптанное место', который сравнивается с коми *тальявны* 'топтать' и удм. *тальяк-тальяк* 'сырой, плотно слежавшийся' (с. 167).

В работе впервые глубокому и системному анализу подвергнута также структура коми топонимов. Учитывая количество входящих в топоним компонентов и способ словопроизводства, все анализируемые топонимы автор делит на три группы, простые, или односоставные, сложные и составные. Внутри сложных и составных топонимов выделяются а) конструкции с существительными локально-пространственного значения, б) эллиптированные топонимы, в) топонимы с глагольными конструкциями. Рассматриваемая глава отличается строгой аргументированностью, стройностью подачи и анализа словообразовательных материалов и способов образования сложных и многокомпонентных составных терминов.

Описывая современное состояние фонетического оформления географических названий, исследователь отмечает, что в топонимии получило отражение былое наличие в древнекоми языке специфических фонем *ô*, *η*, которые в современных коми говорах в результате активных междиалектных взаимодействий исчезли или перешли в другие звуки: *ô > o*, *η > n*, *m*, аффрикаты *dž*, *dz >* фрикативные *ž* и *ž*, а в некоторых диалектах *dz > d, t*, палатальные фрикативные *š*, *ž > š*, *ž*. Опираясь на топонимический материал, А. И. Туркин приходит к выводу, что в прошлом на всей территории Коми края существовали только эловые говоры. Зарождение универсального закона чередования *l ~ v ~* удлинение гласного или нуль звука, по мнению исследователя, относится к концу XV в. На рубеже XVII и XVIII вв. процесс приобрел массовый характер, а в начале XVIII в. уже действовал повсеместно.

Глубокий анализ особенностей топонимов позволил исследователю выявить также целый пласт архаической лексики, отсутствующий в современных лексикографических работах. Таковы, в частно-

сти, *вук* 'левый', *вись* 'железо, металл', *вин* (*винь*) 'кривизна, изгиб', *пожог* 'подсека, росчисть, пожога' и др. (с. 243—246).

Большой интерес для теоретического языкознания представляет проанализированный автором лингвистический и топонимический материал в местах проживания русскоязычного населения, где сохранилось около 200 географических названий коми происхождения. Проведя глубокий лингвистический анализ лексических заимствований и опираясь на антропологические и топонимические данные, а также данные письменных исторических документов, А. И. Туркин делает не безуспешную попытку охарактеризовать исчезнувшие диалекты древнекоми языка, которые условно называет вилогдско-выегодским и пинежским. Они занимали территорию от устья Вычегды вверх по течению до современного села Межег. К носителям его относилось и коми население, проживавшее в бассейне Виледи, Яренги и в верховьях Пинеги. Они представляли собой переходные диалекты: первый имел общие черты с современными нижневыегодским, лузско-летьским и со смежным удорским диалектами, а второй относился к эловым диалектам (с. 248—268). Этот ценнейший материал свидетельствует о том, какие следы может оставить исчезнувший народ в языке-победителе, что особенно важно знать в наше время, когда идет интенсивная ассимиляция языка малых народов в условиях социалистического общества.

Глубокому анализу подвергнуты и особенности фонетической, морфологической и семантической адаптации иноязычных топонимов, а также освоение коми топонимов русским языком. Автор на обширном лингвистическом материале показывает, что данный процесс весьма сложен. Выявление звукосоответствий взаимодействующих неродственных русского и коми языков служит, помимо теоретических, чисто практическим целям — установлению правильного произношения и написания топонимов.

Установив значительный слой топонимов ненецкого происхождения (145 названий), А. И. Туркин показывает, что возникновение большей части топонимов связано с верованиями, мифологией, культурными обрядами и обычаями ненцев, что

не так характерно для исконных географических названий. Определенный интерес представляет и процесс возникновения контаминированных ненецко-коми терминов, состоящих из двух компонентов — ненецкого и коми: *Хальмерзю* — *нен.* *хальмер* 'покойник, мертвец' + *коми* *ю* 'река', *Ямботывис* — *нен.* *ямбо* 'длинный, продолговатый' и *коми ты* 'озеро', *вис* 'проток, соединяющий озеро с рекой'. В системе коми географических названий имеются также параллельно употребляющиеся термины разного происхождения, свидетельствующие о смене разноразличных народов на территории исследуемой области. Автором выявлены и рассмотрены также обско-угорский, прибалтийско-финский (карело-вепсский), самский (древнесамский), неизвестный «западносибирский» пласты лексики. Указанные пласты топонимической лексики, особенно последний, представляют большой интерес для науки и отражают пути миграции восточносибирских народов в глубокой древности.

Хочется отметить еще одно обстоятельство. Поскольку по волжским финно-угорским языкам у автора нет достаточного фактического материала и не приведены иллюстративные примеры, то их не надо было и упоминать. Работа намного бы выиграла, если бы автор более подробно рассмотрел топонимы, распространенные на территории современных мари и удмуртов, где в прошлом обитали прапермские народы.

Говоря о диалектах коми языка, А. И. Туркин почему-то пользуется термином коми-язвинский язык, тогда как в научной литературе его называют диалектом (учебные пособия для вузов по коми языку).

В заключении (344—360) на 16 с. излагаются важнейшие результаты исследования.

Работа А. И. Туркина представляет собою обширное обобщающее исследование большой теоретической и прикладной ценности. С точки зрения лексикографии существенно приложение «Топонимический словарь Коми АССР» (437—747) объемом 311 с., содержащий более 1000 названий. Он может быть использован в лексикографических работах при составлении этимологических и толковых словарей коми языка.

В целом следует отметить, что детальный анализ топонимического материала, содержащийся в трудоемкой работе А. И. Туркина, дает достоверное и всестороннее представление о топонимах

Коми АССР. Отдельные замечания рецензента не умаляют научной ценности исследования.

И. В. ТАРАКАНОВ (Ижевск)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО УРАЛЬСКОЙ ФОНОЛОГИИ

С 4 по 8 сентября 1989 года в Гамбурге в четвертый раз проходил симпозиум «Уральская фонология». Первый такой симпозиум состоялся в 1974 году в Берлине (ГДР), второй — в 1979 году в Матрафюрде (Венгрия) и третий — в 1984 году в Айзенштадте (Австрия).

Мероприятие проводилось под общим названием «Уральская фонология», как и предыдущие, но в качестве подтемы была объявлена морфофонология. Практически несколько расширилась и первая часть названия общей темы — в некоторых докладах рассматривались и более далекие языки (вскользь до языка айну). Из 60 запланированных докладов прозвучали две трети. Наряду с новым тематическим акцентом, быстро меняющееся время внесло свои коррективы и в состав участников симпозиума. Если четыре года назад из шести пожелавших участвовать в его работе граждан СССР прибыл в Айзенштадт лишь один, то на этот раз из 26 в Гамбург приехало более половины. Второй по численности оказалась делегация Венгрии. Всего было представлено 10 стран; кроме упомянутых крупных делегаций в работе симпозиума участвовали представители Австрии, ГДР, Голландии, Великобритании, Польши, Швеции, Финляндии и, разумеется, принимающей страны — ФРГ. Такое солидное представительство стран Восточной Европы стало возможным, естественно, лишь благодаря гостеприимству и миссионерскому духу учредителей симпозиума. Организаторами его были «Societas Uralo-Altaica» и кафедра финно-угорских языков Гамбургского университета во главе с вдохновителем мероприятия профессором Вольфгангом Фезенкером.

Подготовка симпозиума отличалась основательностью. Всем участникам предварительно были разосланы сборники с тезисами, вернее с расширенными тези-

сами (до 5 страниц). Для доклада каждому выступавшему предоставлялось 15 минут. Преимущество при этом состояло в том, что присутствующие ознакомились с тезисами заранее, а потому 15 минут, предоставленные докладчику, можно было использовать для коротких комментариев, дополнений, пояснений, исправлений или даже для зачитывания отпечатанных тезисов — по своему усмотрению. С тезисами желающие могут ознакомиться, они опубликованы: *Viertes Internationales Symposion «Uralische Phonologie»*. — 4.—8. September 1989 in Hamburg. Thesen zu den Vorträgen und Referaten. Herausgegeben von Wolfgang Veenker, Hamburg 1989 (Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica, Heft 8). Поскольку книга содержит краткое изложение всех прочитанных (и не прозвучавших) докладов, их пересказ здесь смысла не имеет. Тем более, что в ближайшее время должен выйти из печати и сборник, в котором будут выборочно напечатаны статьи на темы прочитанных в Гамбурге докладов.

Здесь представляется целесообразным лишь высказаться по поводу порядка работы симпозиума.

В связи с обширностью рассматриваемых тем и множеством языков, а также для предотвращения распыленности заседания симпозиума группировались по языкам (и языковым семьям) и отчасти по темам. На первом заседании после торжественной части Антти Иивонен прочел доклад общезыковедческого направления об артикуляционно и психоакустически возможном количестве гласных фонем. Дальнейшие заседания первого дня были посвящены исторической фонологии уральских языков — «О носовых финно-угорских и самодийских языков» Д. Абондоло и «Проблемы фонотактики протоуральского и протофинно-угорского язы-